

УДК 330

ВВЕДЕНИЕ В ОБЩУЮ ТЕОРИЮ ИЗЪЯНОВ СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ

А.Я. Рубинштейн

Рубинштейн Александр Яковлевич – доктор философских наук, профессор, руководитель научного направления «Теоретическая экономика». ФГБУН «Институт экономики РАН», Нахимовский пр-т, 32, Москва, Россия, 117218. E-mail: arubin@aha.ru.

В контексте исследования природы и эволюции патернализма, одного из элементов теории опекаемых благ, представлен новый взгляд на изъяны смешанной экономики. Стандартные провалы рынка дополнены «поведенческим провалом», являющимся прямым следствием иррационального поведения индивидуумов, и «патерналистским провалом», который возникает в результате ошибочных действий государства. Обсуждаются вопросы формирования патерналистских установок, рассмотрены теоретические и прикладные аспекты либерализации процессов принятия политических и экономических решений на основе развития институтов гражданского общества и гражданской активности, направленной на снижение рисков «провалов государства» и потери благосостояния.

Опекаемые блага, мериторные блага, провалы рынка, патернализм, либертарианский патернализм, государственная активность, патерналистский провал, провалы государства, институты.

DOI: 10.14530/se.2016.4.013-032

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа продолжает исследования автора в области «Теории опекаемых благ» [27; 28; 45]. В эту группу товаров и услуг, как известно, в определенные исторические моменты могут включаться, а затем и исключаться результаты самых разных видов деятельности, начиная от товаров массового потребления, новой техники и технологий до банковских услуг и информационных продуктов. Всякая активность государства в любой сфере так или иначе обусловлена его «опекой» соответствующих результатов человеческой деятельности. В этом смысле фискальная, монетарная, промышленная, аграрная, социальная и иные виды политики государства могут быть описаны в рамках теории опекаемых благ.

Главный акцент в данной работе сделан на специальном разделе этой теории – общей концепции провалов смешанной экономики, обуславливающих патерналистскую активность государства. В связи с этим остановимся на предпосылках, определивших ее особенности и место в экономической теории. В данном контексте имеет смысл обозначить, от каких стандартных положений отказывается теория опекаемых благ и что предлагает она взамен:

- От абсолютной способности рынка к саморегулированию в пользу активности государства, направленной на устранение «провалов рынка» и перераспределение богатства. Следствием этого подхода являются теории социального либерализма [29].

- От традиционного понимания нерационального поведения индивидумов в пользу их субъективной рациональности [40, с. 42] и трактовки иррациональности как оценки «патера», обладающего собственными предпочтениями [5]. Это положение, определяющее мотивацию государственной активности, послужило толчком к исследованию эволюции патернализма в экономических теориях.

- От парадигмы «благотворящего государства» в пользу гипотезы о его патерналистской активности, чреватой рисками потери благосостояния – «провалами государства» [38; 57].

При этом любое вмешательство государства в рыночные отношения, любая его активность, включая макроэкономическое регулирование, всегда базируются на нормативных установках «патера». И в данном контексте неважно, чем обусловлен патернализм государства – выводами макроэкономических моделей, политическими решениями или иными соображениями, включая задачи устранения провалов рынка.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ПРОВАЛ

Основным предметом анализа в теории опекаемых благ являются различные стороны государственной активности [26; 27]. Речь идет о перераспределении богатства и систематических рыночных провалах, о не менее регулярных провалах государства. В реальном мире нет условий, когда механизмы саморегулирования способны действовать безошибочно, как нет и исключительно верных государственных решений, которые бы устраняли изъяны рынка и реализовывали общественные интересы.

Иначе говоря, государственная активность, по природе своей имеющая патерналистское содержание, навсегда остается элементом экономических отношений и никогда не может исчезнуть, разве что в мечтах антиэтактистов или в абстрактных моделях, где выполняется совокупность неких *идеальных* условий. При этом неоклассическая теория не дает удовлетворительно-

го описания такого поведения государства. Поиск же адекватных объяснений толкает к пересмотру некоторых базовых предпосылок и на этой основе к модификации самой теории.

Начнем с принципа рационального поведения, объединившего в себе австрийский методологический субъективизм, в соответствии с которым индивидуальные предпочтения принимаются как данность, с неоклассическим допущением, что каждый индивидуум выбирает лучший вариант, оптимизирующий его благосостояние¹. Все остальное делает невидимая рука, обеспечивающая благосостояние общества. Если же возникают потери общественного благосостояния или неудовлетворительным оказывается распределение богатства, они объясняются изъянами рынка и служат обоснованием активности государства, направленной на их устранение.

Известно также, что рациональное поведение индивидуумов может приводить к потерям благосостояния из-за несовершенной институциональной среды [14, с. 29]. При этом изменение правил игры, в соответствии с патерналистским решением государства, способно подтолкнуть индивидуумов к выбору такой доминирующей стратегии, которая обеспечивает Парето эффективное равновесие. В рамках методологии Нэша любые виды активности государства, направленные на устранение изъянов рынка, описываются в терминах модернизации институциональной среды. Не развивая этот известный сюжет «институциональных» и «распределительных» провалов рынка, еще раз подчеркну их общую особенность – предпосылку рационального поведения индивидуумов, максимизирующих свое благосостояние.

Критика этого стандартного условия сопровождает данный онтологический принцип всю последующую его историю. Первая значимая ревизия данной предпосылки связана, наверное, с работами Дж. Катоны и Г. Саймона [37; 51]; последний ввел в научный оборот утвердившуюся в литературе категорию «ограниченная рациональность» [52]. Дальнейшее ослабление этого «идеального условия» нашло отражение в теориях общественных товаров и мериторных благ, где было снято «табу» с иррационального поведения индивидуумов, что позволяет говорить еще об одном изъяне рынка – о «поведенческом провале» [8, с. 81].

При этом в теории общественных товаров он признавался лишь косвенно – объясняя «фрирайдерство». П. Самуэльсон ввел в научный оборот «ложный сигнал индивидуумов об отсутствии спроса на общественное благо» [46]. В мериторике же Р. Масгрейва были описаны стандартные случаи поведенческого провала [41; 43] и активности государства, направленной

¹ Отметим, что кроме свойств полноты и транзитивности предпочтений, экономическая теория предписывает индивидуумам возможность альтернативы, которая обеспечивает большую полезность [4, с. 348].

на его устранение. Следует подчеркнуть также, что признание самого факта *нерационального* поведения вынуждает рассматривать и такое поведение индивидуумов, которое можно считать *рациональным*.

Подобная дихотомия неизбежно приводит к двум «стандартам оценки», которые, собственно, и нашли отражение в известной модели Р. Талера, Х. Шеффрина, постулирующей одновременное исполнение человеком ролей «безвольной жертвы искусителя (я – исполнитель) и ее рационального антипода и «гордости создателя» (я – программатор). Если «исполнитель» ориентируется на эгоистические и близорукие действия, то «программатор» стремится к реализации долгосрочных и просвещенных интересов» [55]¹. Как бы ни объясняли эту двойственность, подчеркну главное – сам факт детабуирования иррационального поведения индивидуумов означает одновременно и легитимацию патерналистских действий государства, направленных на поддержку «рационального антипода».

Теория благосостояния, опирающаяся на рациональность индивидуума, считает, что патернализм подрывает либеральную доктрину. В определенном смысле это действительно так, но лишь в той мере, в которой принцип рационального поведения можно считать универсальным. При этом в последние 30–40 лет появились исследования в области поведенческой и экспериментальной экономики, в которых получено множество эмпирических подтверждений иррационального поведения людей². В результате накопилась представительная коллекция «аномалий», демонстрирующих примеры поведения индивидуумов, не только склонных ошибаться, но и делающих ошибки регулярно [7; 18; 19; 36]³.

Указанные обстоятельства требовали ответа: не вписывающиеся в границы стандартной теории эмпирические факты нуждались в объясняющей интерпретации. Следует подчеркнуть, что на этом поприще поведенческие экономисты лишь продолжили мериторную аргументацию, основанную на идее множественности «Я», усилили ее и превратили в свой главный методологический прием [54]. Иначе говоря, они также признали поведенческий провал рынка, сохраняя и развивая патерналистский тренд.

При этом государственная активность в этих теориях традиционно обосновывается с очевидным индивидуалистическим уклоном. Так, меритори-

¹ Эта модель, опубликованная в «рабочих тетрадах» [48; 49], восходит к более раннему исследованию, где Р. Шифрин и У. Шнейдер, рассматривая гипотезу о наличии у человека двух когнитивных систем, обнаружили «борьбу разума с интуицией» – прообраз будущих моделей с множественностью «Я» [48; 49].

² Заметим, что речь идет об отклонении поведения индивидуумов от того, что «патер» считает теоретически правильным.

³ Здесь следует обратить внимание на аналитический обзор Р. Капелюшникова, опубликованный в монографии [10, с. 277–340].

ка, поведенческая экономика и выросшие из них либертарианский [54] и асимметричный [32] патернализм исходят из того, что действия государства направлены исключительно на создание условий для свободного потребительского выбора в соответствии с некими «истинными предпочтениями» самих же индивидуумов. Государство, по мнению адептов данного направления, ничего не навязывает, а лишь подталкивает индивидуумов к принятию решения, в основе которого лежит их собственное понимание «счастья». Особенностью данной конструкции они считают то, что политика подталкивания («*nudge*») устраняет противоречие между патернализмом и свободой выбора [54, p. 1188].

Как бы ни относиться к этому спорному выводу и его обоснованной критике [9, с. 32–43], отметим главное. Даже если предположить, что государство имеет какие-то представления об «истинных предпочтениях» индивидуумов, то и в этом случае можно говорить лишь о понимании самого государства, оценивающего поведение индивидуумов как иррациональное. Таким образом, речь идет о государственной активности, направленной на коррекцию поведения индивидуумов в соответствии с установками самого патера и его пониманием счастья. В этом контексте неважно, какое содержание вкладывает государство в свои представления об «истинных предпочтениях» индивидуумов.

Особую ситуацию рассматривают макроэкономисты. Причем в исходной кейнсианской методологии непосредственно допускались нерациональное поведение макроэкономических агентов и возможность длительного равновесия при неполном использовании ресурсов, обуславливающие необходимость государственного регулирования [3; 16]. Новые же кейнсианцы исходят из того, что, несмотря на негибкость цен и зарплат в краткосрочном периоде, в длительной перспективе рыночная экономика стремится к равновесию с полным использованием ресурсов, а макроэкономические агенты действуют в соответствии с рациональными ожиданиями, оптимизируя во времени свое поведение [25]¹. Однако, учитывая, что период с неполным использованием ресурсов может затянуться, новые кейнсианцы также признали необходимость активного макроэкономического регулирования.

Рассматривая оба подхода в поведенческой оптике, можно сопоставить присущую каждому из них направленность государственной активности. Если, в соответствии с традиционным кейнсианством, регулятор создает условия и тем самым «подталкивает» нерациональных экономических агентов к рациональному поведению, то возникает естественный вопрос: что же стимулирует государство с точки зрения новых кейнсианцев, методология

¹ Здесь следует обратить внимание на работу О. Замулина «Обзор новокейнсианской экономической теории с применениями к России» [6].

которых опирается на рациональность агентов? Ответом на него служит следующее объяснение: даже когда вмешательство государства направлено на минимизацию отклонения от равновесия или ускорение возврата к нему, то и в этом случае добиться поставленных целей можно лишь через изменение поведения экономических агентов. Воздействуя на их поведение, регулятор оценивает его как нерациональное, ибо в определенные моменты времени оно чревато потерями благосостояния. Иначе говоря, и новые кейнсианцы допускают возможность некой «эпизодической» иррациональности поведения экономических агентов, корректируя его посредством государственного регулирования.

Можно по-разному называть такие действия государства, избегая использования категории «патернализм»¹. Вместе с тем, если оставить в стороне привычные для этой категории патриархальные аспекты «отцовской заботы» государства о своих гражданах, избегая как негативную коннотацию данного понятия, так и его гуманитарную интерпретацию в контексте социальной защиты, и взглянуть на указанные процессы с *нейтральных позиций*, то в центре внимания остается сама государственная активность, прямо или косвенно оказывающая воздействие на поведение различных экономических агентов. С учетом такого понимания может быть предложена универсальная трактовка данного понятия применительно к экономике: патернализм – это воздействие на экономических агентов с целью направленного изменения их поведения в соответствии с установками патера.

Сделаем и общий вывод о том, что «поведенческий провал», дополняя «институциональный» и «распределительный» провалы рынка, обуславливает патерналистскую активность государства, которая возникает там и тогда, где и когда, в соответствии с предпочтениями патера, оказывается неэффективной институциональная среда и/или признается неприемлемым распределение богатства; и/или поведение отдельных людей, и/или экономических агентов оценивается как нерациональное.

ПРИРОДА ПАТЕРНАЛИЗМА

Рассматривая поведение людей как данность, мы исходим из того, что они действуют при всех обстоятельствах субъективно рационально, в том числе и в ситуациях, описанных Масгрейвом, а позже и поведенческими экономистами. При этом для объяснения их поведения, оцениваемого как

¹ Отметим, что, признавая государственное вмешательство в форме фискальной, монетарной, внешнеэкономической политики, политики доходов и т. д., макроэкономисты не используют термин «патернализм», замещая его привычной категорией «экономического регулирования».

иррациональное, не обязательно прибегать к искусственным построениям, к моделям с несколькими функциями полезности каждого индивидуума и наличием у них «истинных предпочтений». Использование такой конструкции содержит ничем не оправданное предположение о том, что государство знает «истинные предпочтения» индивидуумов. От этого, уязвимого, положения, подвергающегося справедливой критике¹, теория опекаемых благ принципиально отказывается. Особенность данной теории заключается не в отрицании феномена двойственности предпочтений, а в ином понимании его природы.

Речь идет о существовании двух источников оценки, каждый из которых имеет свои предпочтения, но никак не предполагает двоемыслия одного и того же индивидуума. Ситуация, описанная в мериторике и повторенная в поведенческой экономике, когда о втором своем желании индивидуумы часто не догадываются, но о нем ведают третьи лица, которые и «навязывают» его в виде «истинных предпочтений», страдает принципиальным пороком. Как гласит один из принципов римского частного права: желание не может быть признано несправедливым – «*volenti non fit iniuria*».

Собственно, исходя из этого в теории опекаемых благ, и была предложена иная трактовка феномена двойственности предпочтений. В основании данной теории лежит австрийский принцип методологического субъективизма, в соответствии с которым поведение индивидуума следует трактовать «с субъективной точки зрения как то, к чему стремится действующий человек, потому что в его глазах это желательно» [15]. Одновременно с данным принципом эта теория допускает существование внешнего источника оценки – автономного носителя нормативного стандарта. С позиций именно внешнего источника, на основе его предпочтений поведение индивидуума, собственно, и может оцениваться как иррациональное или ограниченно рациональное.

По сути, аналогичная ситуация наблюдается в макроэкономике, где, как считают новые кейнсианцы, экономические агенты действуют субъективно рационально, оптимизируя во времени свое поведение. При этом, если в мериторике и поведенческой экономике патернализм государства опирается на некие «истинные предпочтения» индивидуумов, то экономическое регулирование в макроэкономике базируется на его стремлении ускорить процесс возвращения к тренду полного использования всех ресурсов или уменьшить

¹ Например, Р. Капелюшников, ссылаясь на Дж. Харсаньи [36, р. 55], подчеркивает, что «истинными» признаются предпочтения, которые выявлялись бы в актах выбора индивида, если бы он был неограниченно рациональным существом, то есть обладал совершенной информацией, безграничными когнитивными способностями и абсолютной силой воли... нам, строго говоря, не дано знать, какими предпочтениями обладали бы такие гиперрациональные существа» [8].

масштабы отклонения от равновесного состояния экономики. С этих позиций «патер» и стимулирует изменение поведения экономических агентов. Нетрудно заметить, что «понимание» государства, как скорректировать их поведение, имеет ту же природу, что и его знание «истинных предпочтений» индивидуумов. И в том, и в другом случае, опираясь на собственные представления, «как должно быть», государство манипулирует поведением индивидуумов и экономических агентов.

Иначе говоря, патернализм, в любой его форме, всегда представляет собой «навязывание» предпочтений «патера» членам конкретной совокупности индивидуумов – будь то домашнее хозяйство, фирма, социальная группа или общество в целом, поведение которых оценивается им как иррациональное. И в этом смысле природа патернализма неразрывно связана и даже обусловлена изъянами рынка – регулярно возникающими несоответствиями фактических результатов с нормативными представлениями о благосостоянии индивидуумов и общества в целом. Это относится и к Парето неэффективным равновесиям, и к Парето эффективным равновесиям, но с «неприемлемым» распределением богатства, к иррациональному поведению индивидуумов и к эпизодической иррациональности агентов в макроэкономике.

Остановимся теперь на принципиальном теоретическом вопросе: что же представляет собой этот внешний источник, действующий от имени общества и устанавливающий указанную нерациональность или неэффективность, и как институционально обеспечивается формирование установок «патера», декларирующего свои предпочтения в качестве нормативного общественного интереса. В данном контексте существуют две основные версии общественного интереса. В одном случае речь идет о рыночной координации поведения индивидуумов, в процессе которой формируется их совокупный интерес, в другом – допускается существование автономного интереса социума, не сводимого к предпочтениям индивидуумов [34; 35].

И если предпочтения индивидуумов, вливаясь в рыночный поток, усредняются на всем их множестве, то предпочтения общества в целом в процессе такой редукции не участвуют. Речь идет о двух параллельных процессах, о двух ветвях формирования общественных интересов. Одна из них связана исключительно с индивидуальными предпочтениями и их гармонизацией с помощью рыночного механизма, другая – отражает процесс генерирования нормативных интересов общества посредством институтов политической системы. В теории опекаемых благ присутствуют обе ветви общественного интереса – рыночная и политическая. В рамках последней формируются нормативные установки, определяющие природу и содержание патернализма [44, p. 18–19].

Рассматривая политическую ветвь и уподобляя государство «политически агрегированному индивиду» [1, с. 55] с его нормативным интересом, нельзя забывать вердикт Р. Будона, который подчеркивал, что подобные конструкции правомочны лишь в том случае, если этот субъект наделен институциональными формами, позволяющими ему принимать коллективные решения [31]. Поэтому условием формирования функции полезности «политически агрегированного индивида» – нормативных установок «патера» – является наличие некой институциональной системы, позволяющей принимать решения от имени общества.

Начиная с Аристотеля социальные и политические философы искали решение этой непростой проблемы в институтах представительной демократии – по Аристотелю, в «республике», где осуществляется правление с делегированием прав на принятие решений особым людям [2]. Это те, кого его учитель – Платон – называл «философами» [20, с. 275], и уже в другую эпоху Масгрейв относил к «информированной группе людей» [42, р. 16], а Шмидт – к «политикам» [47, р. 384]. Это те индивидуумы, кто представляет, «как должно быть», и способен артикулировать свои представления от имени социума. Будучи субъектами коллективных решений, они формируют нормативные интересы общества.

Подчеркнем главное – политическая ветвь генерирует установки патера, основой которых являются нормативные *представления политиков* о благосостоянии общества. И можно утверждать, что любая активность государства, направленная на устранение рыночных изъянов и реализацию нормативных интересов, определяется коллективными решениями «политически агрегированного индивида» со всеми особенностями поведения политиков.

ПАТЕРНАЛИСТСКИЙ ПРОВАЛ

Коллективные решения, генерируемые политической ветвью, целесообразно рассматривать как результат дискурса, детерминированного сложившимися институтами и интересами элит. При этом «политический процесс обладает собственной логикой, во многих случаях не совпадающей с привычной логикой оптимизирующих экономических механизмов» [24, с. 26]. И если в недавнем прошлом доминировала концепция «благотворящего» государства, активность которого направлена на реализацию общественных интересов, то во второй половине XX в. все большую роль играет тезис о смещении политических решений в сторону интересов правящих элит [53].

Данный вывод корреспондирует с другим известным утверждением, согласно которому «истинный интерес» общества отличается от общественного выбора, реализуемого политической системой [12, с. 23]. Ины-

ми словами, политическая ветвь актуализирует лишь те интересы, которые признают политические и экономические элиты. Именно их установки становятся нормативными интересами общества в результате соответствующих коллективных решений. Причем вне зависимости от механизмов формирования общественного интереса – будь то персональное решение лидера группы, или голосование всех ее членов, или решение коалиции, он всегда определяется в форме патерналистских установок «как должно быть».

В уже представленных теориях в качестве нормативных интересов, генерируемых политической ветвью, рассматриваются те ценностные суждения, которые Самуэльсон предписывал своему «эксперту по этике», а представители мериторики и нового патернализма назвали «истинными предпочтениями». Несколько в иной трактовке, но и макроэкономисты пользуются, по умолчанию, ценностными суждениями – пониманием патера, как регулировать экономические процессы. Принимаемые на такой основе решения страдают часто рисками потери благосостояния.

При этом парламентская партия (коалиция), обладающая необходимым большинством голосов, способна провести через голосование любые решения, отвечающие интересам самой партии¹. И дело не только в том, насколько представителен парламент и как организована его работа. Важной составляющей является сама процедура принятия решений и те институты, которые лежат в ее основе. И здесь отмечу наличие обширной литературы, в которой рассмотрены различные аспекты коллективных решений, включая теорию общественного выбора и новую политическую экономию². Для них характерен взгляд на парламент как на совокупность политиков и их коалиций, участвующих в выработке решений, главным образом, путем различных вариантов голосования.

Сформулируем в связи с этим фундаментальное противоречие современного политического процесса. С одной стороны, всякая демократическая система предполагает главенство большинства, с другой – подчинение большинству нередко трансформируется в «уклонение за большинством»³. Соглашаясь с предпочтением «многих» и уклоняясь за ними, политик рискует пройти мимо правильного выбора. Рискует и все общество: подталкиваемое демократическим большинством, оно может оказаться вне зоны эффективных решений.

¹ См., в частности, исследования [22; 23; 30].

² См., в частности, тематические обзорные работы [13; 17].

³ «Нетрудно устоять перед уговорами и влиянием одного злодея, но когда множество несетя под уклон с неудержимой стремительностью, то не оказаться в потоке есть признак души благородной и разума, воспитанного мужеством» (цит. по: [11]). Эти современного звучания слова, облеченные в изящную форму, принадлежат Филону Александрийскому – философу I в. н. э., соединившему в своих ученых трудах еврейскую традицию с греческой культурой.

Прочитируем Л. фон Мизеса: «Сегодня даже многие из тех, кто поддерживает демократические институты, игнорируют эти идеи... власть большинства является диктаторской властью самой многочисленной партии... Такой псевдолиберализм является полной противоположностью либеральной доктрины» [15]. С этим трудно не согласиться. Возможности улучшения коллективных решений, поиск институциональных механизмов, ограничивающих власть большинства, является ключевой задачей теории опекаемых благ и концепции провалов смешанной экономики.

С конца XX в. это направление исследований стало приобретать все большую популярность. В их ряду работы Ж.-Ж. Лаффона, который подчеркивал, что, «несмотря на доминирование в экономике взгляда на общественный интерес как на решающий при выборе пути развития, “интервенция” теории групп интересов, делающей особый акцент на их влияние в формировании политических решений, продолжает расширяться» [12, с. 23]. Анализируя данную тенденцию, он рассматривает «аутентичного советника» правящей партии, который предлагает программу действий, увеличивающую ее выгоды в данной экономической и политической ситуации [12, с. 22].

В посткоммунистической России и особенно в 2000-е гг. этот процесс проявился особенно зримо: «... между обществом и элитами сохранялся значительный конфликт интересов, следствием которого и стал наблюдаемый в настоящее время дефицит институтов – общественных благ, обслуживающих все общество, а не только его привилегированную часть» [21, с. 41]. Так или иначе, но социум часто сталкивается с политическим произволом в определении патерналистских установок, реализация которых чревата ошибочными решениями.

И если в концепциях общественных товаров, мериторных благ и новом патернализме, как и в кейнсианстве, проблема формирования установок «патера» умалчивается или по умолчанию предполагается их исходная направленность на увеличение благосостояния общества, то в теории опекаемых благ данный вопрос играет первостепенную роль и подвергается анализу сквозь призму коллективных решений парламента. При этом сам парламент рассматривается как совокупность «аутентичных советников» политических партий, представляющих интересы соответствующих групп избирателей.

Такой подход дает основание применить теорему Эрроу «о невозможности» к совокупности «аутентичных советников» и сделать вывод о принципиальной невозможности согласовать предпочтения парламентских партий, кроме случая с диктатором, когда все голосуют так же, как он. Отметим также, что реальная политическая практика демократических государств

демонстрирует общую закономерность: всякий парламент эволюционирует в сторону появления «коллективного диктатора» в виде партии власти или партийной коалиции, обладающей необходимым большинством голосов для принятия коллективных решений.

Результаты парламентского голосования могут порождать патерналистские установки, нерелевантные потребностям и приоритетам общества, игнорирующие предпочтения небольших партий, а вместе с ними интересы многих миллионов их избирателей. Относится это к любым процедурам «коллективных решений», о которых писал Будон и от которых предостерегал Мизес. Патернализм в любой форме государственной активности чреват укреплением государства, которое, как правило, дрейфует в сторону «Левиафана». При этом следует обратить особое внимание и на тот факт, что следствием его действий может быть снижение благосостояния отдельных индивидуумов и их совокупности в целом, обуславливая тем самым еще один вид изъянов смешанной экономики – *«патерналистский провал»*.

Наличие патерналистского провала наряду с институциональным, распределительными и поведенческим провалами позволяет рассматривать их с единых позиций – в качестве частных случаев общей теории изъянов смешанной экономики, в которой вместе с домохозяйствами и фирмами участвует патерналистское государство. Сам же патерналистский провал свидетельствует о том, что государственной активности присущи риски принятия «неверных» решений. Здесь уместна прямая аналогия с иррациональным поведением индивидуумов; и в этом случае можно говорить о *нерациональных действиях*, но уже государства, то есть о такой его активности, которая приводит к потерям благосостояния, обуславливая патерналистский провал или провал государства¹.

Следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что в отличие от стандартных изъянов рынка, на устранение которых направлена государственная активность, устранить провал государства сам «патер» не в состоянии. Надеяться на это так же нелепо, как ожидать, что Мюнхгаузен вытащит себя из болота за собственные волосы. Лишь третий участник экономических отношений – гражданское общество, гражданская активность и самоорганизация граждан способны создавать институты, подталкивающие государство к выбору таких патерналистских установок, которые снижают риски ошибочных решений и направлены на рост благосостояния индивидуумов и общества в целом (*табл.*).

¹ Описание почти тождественной ситуации «провалов государства» в качестве противопоставления «провалам рынка» содержится в многочисленных публикациях. См., напр., [24; 38; 56; 57]. В представленной в данной работе общей теории провалов смешанной экономики основной акцент сделан непосредственно на процессах формирования патерналистских установок, реализация которых приводит к потерям благосостояния – провалам государства.

Четыре изъяна смешанной экономики

Изъяны	Изъяны смешанной экономики	Государственная и гражданская активность
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОВАЛ	Неэффективное по Парето равновесие	Патерналистская активность государства, направленная на изменение институциональной среды при сохранении свободы потребительского выбора
РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ПРОВАЛ	Эффективное по Парето равновесие с «неприемлемым» распределением богатства	Патерналистская активность государства, направленная на изменение бюджетных ограничений индивидуумов (перераспределение) при сохранении свободы потребительского выбора
ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ПРОВАЛ	Иррациональное поведение индивидуумов	Патерналистская активность государства, направленная на изменение потребительского выбора индивидуумов и поведения макроэкономических агентов
ПАТЕРНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОВАЛ	Потери благосостояния из-за ошибочных действий государства	Гражданская активность , направленная на демократизацию выбора патерналистских установок и снижение рисков потери благосостояния

Сформулируем принципиальный вывод общей теории изъянов смешанной экономики. Если институциональный, распределительный и поведенческий провалы вызывают государственную активность, то патерналистский провал, являющийся следствием этой активности, требует совершенно иных действий, направленных на институциональное улучшение процессов формирования патерналистских установок, на демократизацию процедур принятия решений с целью снижения рисков «провалов государства» и связанных с ними потерь благосостояния.

В данном контексте известную дилемму «слабое или сильное государство» следует признать ложной. Исходя из представленной теории изъянов смешанной экономики и регулярно возникающих патерналистских провалов государства, генерирующих риски потери благосостояния, на повестке дня должна стоять иная дилемма – «слабого или сильного гражданского общества». В связи с этим одной из самых актуальных задач является модернизация институциональной системы принятия решений, создание демократических механизмов, побуждающих и даже «принуждающих» к обсуждениям патерналистских установок, предусматривающих участие в такого рода дискурсе оппозиционных партий и отдельных граждан на всех уровнях законодательной и исполнительной власти.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Модернизация институциональной системы принятия решений – задача крайне сложная, требующая глубоких исследований. Поэтому в заключительном разделе ограничимся лишь несколькими примерами возможных институтов, относящихся к защите оппозиционного меньшинства в принятии решений по государственному бюджету, а также к механизмам демократизации макроэкономических решений исполнительной власти.

1. *Институт «вето»* обеспечивает перевод «коллективных решений» из сферы голосования в предшествующие голосованию переговоры, связанные с поиском компромисса. Речь идет об институционализации права «вето» в качестве обеспечения прав парламентского меньшинства на участие в процессе принятия решений и для защиты позиций их избирателей. Этот институт дает возможность блокировать решения, ведущие к потере благосостояния как отдельных групп граждан, так и всего общества. При наличии такого института в России, наверное, не был бы принят ряд законов, недружественных по отношению к науке, образованию, культуре и здравоохранению.

2. *Институт «нулевого чтения»*. Учитывая особую важность распределения бюджетных ресурсов, целесообразно, по-видимому, ввести институт «нулевого чтения», охватывающего, скажем, не более 90% государственных расходов, но в котором участвовали бы представители всех парламентских партий. В последующих же чтениях оппозиционным партиям должно быть предоставлено исключительное право дополнять расходы бюджета (оставшиеся 10%), направляя указанные средства на реализацию интересов социальных групп, представленных в программах соответствующих партий.

3. *Институт индивидуальных бюджетных назначений (ИБН)* реализует модель прямого участия граждан в управлении небольшой частью бюджетных ресурсов (не более 2% уплачиваемого налога). Речь идет об альтернативном механизме расходования государственных средств, когда непосредственно налогоплательщики в рамках заданных ограничений определяют направления финансовой поддержки определенных видов экономической деятельности.

4. *Новый институт общественных советов*. Мы имеем в виду реализацию одного из ключевых демократических принципов – пропорциональности политического представительства. Кроме участия в органах исполнительной власти представителей различных политических партий, введение данного института может создать реальные механизмы влияния экспертного сообщества на принятие политических и экономических решений. Речь идет об изменении правил создания и компетенций уже существующих

общественных советов при министерствах и ведомствах. Указанные советы должны формироваться в строгом соответствии с принципом пропорциональности политического и экспертного представительства, «квоты» которых для всех парламентских партий и ведущих экспертов РАН в период между выборами в парламент должны оставаться неизменными. Особое внимание надо обратить на формирование общественных советов при Минфине, Центральном банке и Минэкономразвития, отвечающих за стратегические решения в области фискальной и монетарной политики, политики доходов и внешнеэкономической политики. Наделение этих общественных советов реальными правами и освещение в СМИ результатов их функционирования позволят избежать многих ошибок, которые имели место раньше и продолжают появляться при отсутствии гражданского контроля над деятельностью органов исполнительной власти.

Представленная общая теория изъянов смешанной экономики, построенная классификация рыночных провалов и выполненный на их основе анализ природы и типов патернализма определили новую повестку дня, связанную с необходимостью коррекции институционального обеспечения процессов формирования патерналистских установок государства в пользу институтов гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Автономов В.С.* Еще несколько слов о методологическом индивидуализме // *Общественные науки и современность*. 2014. № 3. С. 53–56.
2. *Аристотель*. Политика // *Аристотель*. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376–644.
3. *Бланшар О.* Макроэкономика / пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 671 с.
4. *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / пер. с англ. М.: НП «Журнал «Вопросы экономики», 2004. 416 с.
5. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир, 2013. 480 с.
6. *Замулин О.А.* Обзор новокейнсианской экономической теории с применениями к России // *Экономическая школа. Аналитическое приложение*. 2002. № 1 (1). С. 132–148.
7. *Канеман Д., Тверски А.* Рациональный выбор, ценности и фреймы // *Психологический журнал*. 2003. № 4. С. 31–42.
8. *Капелюшников Р.И.* Поведенческая экономика и «новый» патернализм // *Вопросы экономики*. 2013а. № 9. С. 66–90.
9. *Капелюшников Р.И.* Поведенческая экономика и «новый» патернализм // *Вопросы экономики*. 2013б. № 10. С. 28–46.
10. *Капелюшников Р.И.* Экономические очерки: Методология, институты, человеческий капитал. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 574 с.
11. *Ковельман А.Б.* Толпа и мудрецы талмуда. Москва – Иерусалим: Еврейский университет в Москве, 1996. 79 с.

12. *Лаффон Ж.-Ж.* Стимулы и политэкономия. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 312 с.
13. *Либман А.М.* Политико-экономические исследования: обзор и некоторые предложения. М.: ИЭ РАН и CDSE, University of Mannheim, 2007. 59 с.
14. *Майерсон Р.* Равновесие по Нэшу и история экономической науки // Вопросы экономики. 2010. № 6. С. 26–43.
15. *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. 878 с.
16. *Мэнкью Н.Г.* Макроэкономика / пер. с англ. М.: Изд-во МГУ, 1994. 736 с.
17. *Нуреев Р.М.* Теория общественного выбора. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 531с.
18. *Павлов И.А.* Поведенческая экономическая теория – позитивный подход к исследованиям человеческого поведения. М.: Институт экономики РАН, 2007. 62 с.
19. *Павлов И.А.* Феномен «уклонения от двусмысленности» в теории рационального выбора. М.: Институт экономики РАН, 2011. 56 с.
20. *Платон.* Государство // Платон. Соч. в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1971. 645 с.
21. *Полищук Л.И.* Аутсорсинг институтов // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 40–65.
22. *Полтерович В.М., Попов В.В.* Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 13–27.
23. *Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С.* Нестабильность демократии в странах, богатых ресурсами // Экономический журнал ВШЭ. 2008. № 2. С. 176–200.
24. *Радыгин А.Д., Энтов Р.М.* «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 4–30.
25. *Ромер Д.* Высшая макроэкономика / пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2014. 856 с.
26. *Рубинштейн А.Я.* К теории опекаемых благ. Неэффективные и эффективные равновесия // Вопросы экономики. 2011. № 3. С. 65–87.
27. *Рубинштейн А.Я.* К теории рынков «опекаемых благ». Статья 1. Опекаемые блага и их место в экономической теории // Общественные науки и современность. 2009а. № 1. С. 139–152.
28. *Рубинштейн А.Я.* Мериторика и экономическая социодинамика: дискуссия с Р. Масгрейвом // Вопросы экономики. 2009б. № 11. С. 98–109.
29. Социальный либерализм / под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. СПб.: Алетейя, 2016. 496 с.
30. *Хиллман А.Л.* Государство и экономическая политика. Возможности и ограничения управления. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. 880 с.
31. *Boudon R.* La logique du sociale: introduction a l'analyse sociologique. Paris: Hachette, 1979. 279 p.
32. *Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M.* Regulation for Conservatives. Behavioral Economics and the Case for 'Asymmetric Paternalism' // University of Pennsylvania Law Review. 2003. Vol. 151. Issue 3. Pp. 1211–1254. DOI: 10.2307/3312889.
33. Choices, Values and Frames / Edited by D. Kahneman, A. Tversky. New York: Cambridge University Press, 2000. 860 p.
34. *Grinberg R., Rubinstein A.* Economic Sociodynamics. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2005. 190 p. DOI: 10.1007/b139032.
35. *Grinberg R., Rubinstein A.* Ökonomische Soziodynamik und Rationales Verhalten des Staates. Köln: BLOST-Verlag, 1999. 66 s.
36. *Harsanyi J.C.* Papers in Game Theory. Springer, 1982. 260 p. DOI: 10.1007/978-94-017-2527-9.

37. *Katona G.* Psychological Analysis of Economic Behavior. New York: McGraw-Hill, 1951. 347 p.
38. *Krueger A.* Government Failures in Development // Journal of Economic Perspectives. 1990. Vol. 4. Issue 3. Pp. 9–23. DOI: 10.1257/jep.4.3.9.
39. *Lucas R.* Expectations and the Neutrality of Money // Journal of Economic Theory. 1972. Vol. 4. Issue. Pp. 103–124. DOI: 10.1016/0022-0531(72)90142-1.
40. *Machlup F.* Austrian Economics // Encyclopedia of Economics. New York: McGraw-Hill, 1982. Pp. 38–43.
41. *Musgrave R.A., Musgrave P.B., Kullmer L.* Die Öffentlichen Finanzen in Theorie und Praxis. 1. Stuttgart: UTB, 1994. 287 s.
42. *Musgrave R.A.* Provision for Social Goods // Public Economics. London – Basingstoke: MacMillan, 1969. Pp. 124–144.
43. *Musgrave R.A.* The Theory of Public Finance. New York, Toronto, London: McGraw-Hill Book Company Inc., 1959. 628 p.
44. *Rubinstein A.Y.* The Theory of Patronized Goods in the Optics of Comparative Methodology // International Journal of Entrepreneurial Knowledge. 2013. Vol. 1. Issue 1. Pp. 4–32. DOI: 10.15759/ijek/2013/v1i1/53753.
45. *Rubinstein A.Y.* Theory of Patronized Goods. Liberal Evolution of Paternalism // International Journal of Entrepreneurial Knowledge. 2016. Issue 1. Vol. 4. Pp. 6–29. DOI: 10.1515/ijek-2016-0001.
46. *Samuelson P.A.* The Pure Theorie of Public Expeditoren // Review of Economics and Statistisch. 1954. Vol. 36. No. 4. Pp. 387–399. DOI: 10.2307/1925895.
47. *Schmidt K.* Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den Öffentlichen Gütern // Zeitschrift für Wirtschaftens – und Sozialwissenschaften. Berlin: Duncker & Humboldt, 1988. S. 383–403.
48. *Schneider W., Shiffrin R.M.* Controlled and Automatic Human Information Processing I. Detection, Search, and Attention // Psychological Review. 1977. Vol. 84. No. 1. Pp. 1–66. DOI: 10.1037/0033-295X.84.1.1.
49. *Schneider W., Shiffrin R.M.* Controlled and Automatic Human Information Processing II. Perceptual Learning, Automatic Attending and a General Theory // Psychological Review. 1977. Vol. 84. No. 2. Pp. 127–190. DOI: 10.1037/0033-295X.84.2.127.
50. *Shefrin H.M., Thaler R.* An Economic Theory of Self-Control / Center for Economic Analysis of Human Behavior and Social Institutions. Working Paper No. 208. 1978. 48 p.
51. *Simon H.A.* A Behavioral Model of Rational Choice // Quarterly Journal of Economics. 1955. Vol. 69. No. 1. Pp. 99–118. DOI: 10.2307/1884852.
52. *Simon H.A.* A Behavioral Model of Rational Choice // Models of Man: Social and Rational – Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting. New York: Wiley, 1957. Pp. 99–118.
53. *Stigler G.* The Theory of Economic Regulation // The Bell Journal of Economics and Management Science. 1971. Vol. 2. Pp. 3–21. DOI: 10.2307/3003160.
54. *Sunstein C., Thaler R.* Libertarian Paternalism is not an Oxymoron // University of Chicago Law Review. 2003. Vol. 70. Pp. 1159–1202. DOI: 10.2307/1600573.
55. *Thaler R.H., Shefrin H.M.* On Economic Theory of Self-Control // Journal of Political Economy. 1981. Vol. 89. No. 2. Pp. 392–406. DOI: 10.1086/260971.
56. *Tullock G., Seldon A., Brady G.* Government Failure: A Primer in Public Choice. Washington, DC: Cato Institute, 2002. 208 p.
57. *Winston C.* Government Failure versus Market Failure. Microeconomics Policy Research and Government Performance. Washington, DC: AEI-Brookings Joint Center for Regulatory Studies, 2006. 140 p.

INTRODUCTION TO THE GENERAL THEORY OF DEFECTS OF THE MIXED ECONOMY

A.Ya. Rubinstein

Rubinstein Alexander Yakovlevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Research Project. Institute of Economics RAS, 32, Nakhimovskiy Prospect, Moscow, Russia, 117218. E-mail: arubin@aha.ru.

The author gives a new perspective on defects of the mixed economy in the context of nature and evolution of paternalism as one of elements of the theory of patronized goods. The researcher supplements standard market failures with ‘behavioral failure’, which is a direct consequence of irrational behavior of individuals, and ‘paternalistic failure’, which occurs as a result of erroneous actions of the state. The article also discusses the formation of paternalistic attitudes and reviews theoretical and applied aspects of liberalization of making political and economic decisions based on the development of civil society institutions and civic engagement aimed at reducing the risks of ‘government failures’ and welfare loss.

Keywords: patronized goods, meritorious goods, market failures, paternalism, libertarian paternalism, state activity, paternalistic failure, government failures, institutions.

REFERENCES

1. Avtonomov V.S. A Few Words about Methodological Individualism. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 2014, no. 3, pp. 53–56. (In Russian).
2. Aristotle. *Politics*. Works in 4 volumes. Vol. 4. Moscow, 1983, pp. 376–644. (In Russian).
3. Blanchard O. *Macroeconomics*. Translated from English. Moscow, 2010, 671 p. (In Russian).
4. Blaug M. *The Methodology of Economics, or How Economists Explain*. Translated from English. Moscow: Journal ‘Economic Issues’, 2004, 416 p. (In Russian).
5. Grinberg R.S., Rubinshtein A.Ya. *The Individual & the State: Economic Dilemma*. Moscow, 2013, 480 p. (In Russian).
6. Zamulin O.A. Overview of New Keynesian Economic Theory with Applications to Russia. *Ekonomicheskaya Shkola. Analiticheskoe Prilozhenie* [The School of Economics. Analytical Application], 2002, no. 1 (1), pp. 132–148. (In Russian).
7. Kahneman D., Tversky A. The Rational Choice, Values and Frames. *Psikhologicheskii Zhurnal* [Psychological Journal], 2003, no. 4, pp. 31–42. (In Russian).
8. Kapeliushnikov R.I. Behavioral Economics and New Paternalism. (Part I). *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2013, no. 9, pp. 66–90. (In Russian).
9. Kapeliushnikov R.I. Behavioral Economics and New Paternalism. (Part II). *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2013, no. 10, pp. 28–46. (In Russian).
10. Kapeliushnikov R.I. *Economic Essays: Methodology, Institutions, Human Capital*. Moscow, 2016, 574 p. (In Russian).
11. Kovelman A.B. *The Crowd and the Sages in Early Rabbinic Literature*. Moscow – Jerusalem: Jewish University in Moscow Press, 1996, 79 p. (In Russian).
12. Laffont J.-J. *Incentives and Political Economy*. Moscow, 2008, 312 p. (In Russian).
13. Libman A.M. *Political-Economic Studies: A Review and Some Suggestions*. Moscow: Institute of Economics of RAS; CDSE, 2007, 59 p. (In Russian).

14. Myerson R. Nash Equilibrium and the History of Economic Theory. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2010, no 6, pp. 26–43. (In Russian).
15. Mises L. von. *Human Action: A Treatise on Economics*. Chelyabinsk, 2005, 878 p. (In Russian).
16. Mankiw N.G. *Macroeconomics*. Translated from English. Moscow, 1994, 736 p. (In Russian).
17. Nureev R.M. *Public Choice Theory*. Moscow, 2005, 531 p. (In Russian).
18. Pavlov I.A. *Behavioral Economic Theory: A Positive Approach on Study of Human Behavior*. Moscow: Institute of Economics of RAS, 2007, 62 p. (In Russian).
19. Pavlov I.A. *The Phenomenon of 'Ambiguity Avoidance' in Rational Choice Theory*. Moscow: Institute of Economics of RAS, 2011, 56 p. (In Russian).
20. Plato. *The Republic*. Works in 3 volumes. Vol. 3. Moscow, 1971, 645 p. (In Russian).
21. Polishchuk L.I. Institutional Outsourcing. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2013, no. 9, pp. 40–65. (In Russian).
22. Polterovich V.M., Popov V.V. Democracy and Economic Growth. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 2007, no. 2, pp. 13–27. (In Russian).
23. Polterovich V.M., Popov V.V., Tonis A.S. Instability of Democracy in Resource Abundant Countries. *Ekonomicheskij Zhurnal VSHE – HSE Economic Journal*, 2008, no. 2. pp. 176–200. (In Russian).
24. Radygin A.D., Entov R.M. Government Failures: Theory and Policy. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2012, no. 12, pp. 4–30. (In Russian).
25. Romer D. *Advanced Macroeconomics*. Translated from English. Moscow, 2014, 856 p. (In Russian).
26. Rubinstein A.Ya. A Theory of Patronized Goods: Inefficient and Efficient Equilibria. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2011, no. 3, pp. 65–87. (In Russian).
27. Rubinstein A.Ya. On Theory of Markets of Paternalistic Services. Article 1. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 2009, no. 1, pp. 139–152. (In Russian).
28. Rubinstein A.Ya. Meritorics and Economic Sociodynamics: Debates with R. Musgrave. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2009, no. 11, pp. 98–109. (In Russian).
29. *Social Liberalism*. Edited by A.Ya. Rubinstein, N.M. Pliskevich. Saint Petersburg, 2016, 496 p. (In Russian).
30. Hillman A.L. *The State and Economic Policy: Opportunities and Constrains of Management*. Moscow, 2009, 880 p. (In Russian).
31. Boudon R. *La logique du sociale: introduction a l'analyse sociologique*. Paris: Hachette, 1979, 279 p. (In French).
32. Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M. Regulation for Conservatives. *Behavioral Economics and the Case for 'Asymmetric Paternalism'*. *University of Pennsylvania Law Review*, 2003, vol. 151, issue 3, pp. 1211–1254. DOI: 10.2307/3312889.
33. *Choices, Values and Frames*. Edited by D. Kahneman, A. Tversky. New York: Cambridge University Press, 2000, 860 p.
34. Grinberg R., Rubinstein A. *Economic Sociodynamics*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2005, 190 p. DOI: 10.1007/b139032.
35. Grinberg R., Rubinstein A. *Ökonomische Soziodynamik und Rationales Verhalten des Staates*. Köln: BIOST-Verlag, 1999, 66 p.
36. Harsanyi J.C. *Papers in Game Theory*. Springer, 1982, 260 p. DOI: 10.1007/978-94-017-2527-9.
37. Katona G. *Psychological Analysis of Economic Behavior*, New York: McGraw-Hill, 1951, 347 p.

38. Krueger A. Government Failures in Development. *Journal of Economic Perspectives*, 1990, vol. 4, issue 3, pp. 9–23. DOI: 10.1257/jep.4.3.9.
39. Lucas R. Expectations and the Neutrality of Money. *Journal of Economic Theory*, 1972, vol. 4, issue, pp. 103–124. DOI: 10.1016/0022-0531(72)90142-1.
40. Machlup F. Austrian Economics. *Encyclopedia of Economics*. New York: McGraw-Hill, 1982, pp. 38–43.
41. Musgrave R.A., Musgrave P.B., Kullmer L. *Die Öffentlichen Finanzen in Theorie und Praxis. I*. Stuttgart: UTB, 1994, 287 p.
42. Musgrave R.A. Provision for Social Goods. *Public Economics*. London – Basingstoke: MacMillan, 1969, pp. 124–144.
43. Musgrave R.A. *The Theory of Public Finance*. New York, Toronto, London: McGraw-Hill Book Company Inc., 1959, 628 p.
44. Rubinstein A.Y. The Theory of Patronized Goods in the Optics of Comparative Methodology. *International Journal of Entrepreneurial Knowledge*, 2013, vol. 1, issue 1, pp. 4–32. DOI: 10.15759/ijek/2013/v1i1/53753.
45. Rubinstein A.Y. Theory of Patronized Goods. Liberal Evolution of Paternalism. *International Journal of Entrepreneurial Knowledge*, 2016, issue 1, vol. 4, pp. 6–29. DOI: 10.1515/ijek-2016-0001.
46. Samuelson P.A. The Pure Theorie of Public Expeditoren. *Review of Economics and Statistics*, 1954, vol. 36, no. 4, pp. 387–399. DOI: 10.2307/1925895.
47. Schmidt K. Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den Öffentlichen Gütern. *Zeitschrift für Wirtschaftens – und Sozialwissenschaften*. Berlin: Duncker & Humboldt, 1988, pp. 383–403. (In German).
48. Schneider W., Shiffrin R.M. Controlled and Automatic Human Information Processing I. Detection, Search, and Attention. *Psychological Review*, 1977, vol. 84, no. 1, pp. 1–66. DOI: 10.1037/0033-295X.84.1.1.
49. Schneider W., Shiffrin R.M. Controlled and Automatic Human Information Processing II. Perceptual Learning, Automatic Attending and a General Theory. *Psychological Review*, 1977, vol. 84, no. 2, pp. 127–190. DOI: 10.1037/0033-295X.84.2.127.
50. Shefrin H.M., Thaler R. *An Economic Theory of Self-Control*. Center for Economic Analysis of Human Behavior and Social Institutions. Working Paper No. 208, 1978, 48 p.
51. Simon H.A. A Behavioral Model of Rational Choice. *Quarterly Journal of Economics*, 1955, vol. 69, no. 1, pp. 99–118. DOI: 10.2307/1884852.
52. Simon H.A. A Behavioral Model of Rational Choice. *Models of Man: Social and Rational – Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting*. New York: Wiley, 1957, pp. 99–118.
53. Stigler G. The Theory of Economic Regulation. *The Bell Journal of Economics and Management Science*, 1971, vol. 2, pp. 3–21. DOI: 10.2307/3003160.
54. Sunstein C., Thaler R. Libertarian Paternalism is not an Oxymoron. *University of Chicago Law Review*, 2003, vol. 70, pp. 1159–1202. DOI: 10.2307/1600573.
55. Thaler R.H., Shefrin H.M. On Economic Theory of Self-Control. *Journal of Political Economy*, 1981, vol. 89, no. 2, pp. 392–406. DOI: 10.1086/260971.
56. Tullock G., Seldon A., Brady G. *Government Failure: A Primer in Public Choice*. Washington, DC: Cato Institute, 2002, 208 p.
57. Winston C. *Government Failure versus Market Failure. Microeconomics Policy Research and Government Performance*. Washington, DC: AEI-Brookings Joint Center for Regulatory Studies, 2006, 140 p.